

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

СМИРНОВ АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора философских наук

005532877

12 СЕН 2013

Санкт-Петербург
2013

Работа выполнена на кафедре культурологии Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант:

доктор философских наук, профессор
Соколов Евгений Георгиевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
Марков Борис Васильевич
(Санкт-Петербургский государственный университет)

доктор философских наук, профессор
Махлина Светлана Тевельевна
(Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств)

доктор философских наук, профессор
Капустина Людмила Борисовна
(Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства
при Президенте Российской Федерации)

Ведущая организация:

Государственный университет морского
и речного флота имени адмирала С.О. Макарова

Защита состоится «08» октября 2013 года в 16 часов на заседании совета Д 212.232.11 по защите кандидатских и докторских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, ВО, Менделеевская линия, д. 5, философский факультет, ауд. 24

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени А.М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан «08» августа 2013 года.

Ученый секретарь Диссертационного Совета
Кандидат философских наук

А.Е. Радсев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исследования

Современный интерес гуманитарных наук к проблемам повседневности обусловлен тем, что в условиях распада метанарративов и кризиса идеологий все большая часть социального и культурного управления осуществляется именно на уровне повседневных практик и структур, демонстрирующих большую устойчивость, по сравнению с идеологическими и политическими структурами. Европейская цивилизация существует в условиях пересмотра своих культурных оснований уже более 100 лет и подобной же длительностью характеризуются исследования в области проблем повседневной жизни. Индустриальное общество, основанное на принципах товарного производства, может рассматриваться как система, производящая структуры и отношения, распространяемые, подобно товарам, в глобальном масштабе. Процесс глобализации, обеспечивающий высочайшую скорость междивизиационных и межнациональных культурных заимствований, привел к огромным изменениям в повседневной жизни стран, вовлекаемых в этот процесс. Феномены повседневной жизни уже не могут быть объяснены только национально-культурной спецификой или закономерностями эволюционного развития социальных отношений и систем. По этой причине необходимо выявить механизмы, обеспечивающие возникновение, функционирование и трансформацию структур повседневности, обеспечивающих конкретные формы повседневной жизни.

Интерес наук о человеке к феноменам повседневной жизни стал свидетельством кризиса гуманитарного знания, имевшего место в XX веке, а также одной из попыток выхода из него. Появление сферы повседневного в качестве предмета исторической науки, социологии, культурной антропологии вызвала бурные дискуссии в научной среде по поводу того, соответствует ли данная тематика предметному полю соответствующих дисциплин. Эти дискуссии сопровождались появлением новых направлений в гуманитарных науках, являющихся результатом междисциплинарного взаимодействия последних. К таким направлениям относятся, прежде всего, история повседневности, социальная история, культурная история, историческая антропология, социальная антропология, культуральные исследования, а также такие активно развивающиеся области гуманитарного знания как лингвокультурология и коммуникативистика. Как проблематика данных исследовательских направлений, так и их методы зачастую неотличимы, хотя их авторы идентифицируют себя с совершенно разными научно-дисциплинарными традициями. Кроме того, в философии XX века (феноменология и экзистенциализм) исследованию повседневности и повседневного мышления также уделяется значительное внимание. Терминологическое сходство основных познавательных категорий в этих научных областях вводит в заблуждение исследователей повседневности, стремящихся к онтологическому фундированию своих выводов, поскольку философия повседневности основана на принципиально иных

эпистемологических установках по сравнению с магистральной тенденцией изучения повседневной жизни в истории, социологии, антропологии и связанных с ними междисциплинарных областях научного знания.

Концептуализация повседневности позволит свести разрозненные описания феноменов повседневной жизни, рассматриваемых гуманитарным знанием, к единому теоретическому контексту, обеспечив возможность сопоставимости результатов, полученных в разных науках. Необходимость поиска новых методов изучения сферы повседневного обусловлена еще и тем, что в современных социально-гуманитарных науках растет интерес не к абстрактным исследованиям морфологических элементов культуры, а к интерпретации конкретных событий, фактов и материальных свидетельств, которые невозможно исследовать в рамках только структурно-функционалистских или эволюционных концепций, доминирующих при решении данных задач. Эта интерпретация могла бы быть осуществлена в рамках исследовательской стратегии, основанной на понятии о «практиках». Это понятие теоретически прорабатывалось в зарубежных исследованиях, начиная с 1970-х годов, но его эффективное использование в отечественном гуманитарном знании затруднено в силу специфики эпистемологической структуры последнего.

Период, отмеченный всплеском интереса к проблемам повседневности в России, характеризуется целым рядом социальных перемен. Распад Советского Союза, смена политической системы стали факторами, преобразовавшими строй мышления, разрушившими прежние идеологические конструкты и осуществившими внедрение новых эпистемологических моделей. Кроме того, в 1990-е годы в российской социокультурной реальности стала возрастать роль приватной сферы, характер которой оказался разнообразным и, зачастую, непредсказуемым. Для осмысления произошедших изменений недостаточно просто фиксировать трансформации феноменов повседневной жизни. Необходимо выработать принципы, согласно которым эти феномены могут быть проанализированы в категориях гуманитарных наук, претендующих на ключевую роль в социальной диагностике и социальной прагматике. В силу этих причин тема повседневности приобрела популярность в российской гуманитарной науке в начале 90-х годов прошлого века. За истекшее время было опубликовано большое количество исследований, научной и научно-популярной литературы, причем проблематика повседневности не всегда заявлена в названии, хотя тематика присутствует в содержании. В настоящее время интерес к проблемам повседневности не ослабевает, что делает необходимым подведение итогов и оценку перспективы ее дальнейшего изучения, как в России, так и за рубежом.

Несмотря на значительное количество новых научных работ, теоретические осмысление повседневности продолжает оставаться актуальным по нескольким причинам. Главная из них состоит в том, что в науках о культуре, в частности, применительно к данной проблематике, нерешенными остаются проблемы

теоретико-методологического характера, такие, как, например, неопределенность метода исследований и отсутствие концептуального аппарата, легитимного в пространстве всего гуманитарного знания. Еще одной причиной является наличие значительного объема неисследованного эмпирического материала, ввод которого в научно-теоретический оборот затруднен вследствие отсутствия метода его интерпретации в рамках наук о культуре. И последней причиной, оправдывающей продолжение активного научного поиска в данном направлении, является отсутствие в гуманитарном знании четкого представления о повседневности как о предмете научного исследования, сопровождаемое отождествлением терминов «повседневность», «повседневная жизнь», «сфера повседневного». Именно решение этих задач позволит обосновать статус повседневности как предмета культурфилософского исследования.

Степень научной разработанности проблемы

Тематика исследований, относимых в настоящее время к проблематике повседневности, стала формироваться еще в XIX веке и концентрировалась вокруг изучения предметной среды, быта и обычаев народов, населявших Европу. Начинались данные изыскания в рамках европейских этнографических школ, на основе которых стали формироваться национальные традиции бытописательства и истории частной жизни как в странах Европы (Э. Виолле-ле-Дюк, Э. Фукс, П. Гиро, А. Бокуэ, Г. Хартман, М. и К. Квеннеллы и др.), так и в России (Н. И. Костомаров и др.).

В начале XX века в поле интереса феноменологии попали закономерности обыденного мышления и формирования жизненного мира, когда в работах Э. Гуссерля были заложены основания философии повседневности. Феноменологический подход к повседневности был переосмыслен в философской традиции экзистенциализма М. Хайдеггером, который для характеристики присутствия субъекта в окружающем его мире ввел в книге «Бытие и время» целый ряд новых понятий, среди которых присутствует и понятие повседневности. А. Шюц в своих работах предпринял попытку выявить онтологические основания системы социального взаимодействия в сфере повседневного общения, что послужило основанием для создания феноменологического направления в социологии. Оригинальный подход к изучению повседневности был представлен в работах французских философов А. Лефевра («Критика повседневной жизни», «Повседневная жизнь в современном мире») и М. Де Серто («Изобретение повседневности»). В работах последнего противопоставляются два уровня практик повседневности: стратегии и тактики, связанные с противоположными стремлениями власти и индивидов, направленные на установление господства и ускользание от него. Кроме этого, следует упомянуть работы Б. Вальденфельса и Х. -У. Гумбрехта, в которых продолжает развиваться философско-онтологический подход к повседневности.

Предпосылками для изучения повседневности современной социологией явились работы таких авторов, как М. Вебер, Т. Веблен, Э. Дюркгейм, М. Мосс, Г. Зиммель а также представителей «социологии города» (Ч. Бут, Р. и Х. М. Линд, Р. Парк, Л. Вирт и др.). Проблематика повседневного поведения как составляющей цивилизационного процесса была представлена в работах Н. Элиаса, открывших перспективы для появления социологии повседневности, основные проблемы которой затрагивались также в рамках феноменологической социологии знания (основы которой заложили последователи А. Шюца П. Бергер и Т. Лукман), этнометодологии (Г. Гарфинкель и А. Сикурель) и других направлений социологии (например, в работах И. Гофмана, М. Маффесоли, А. Геллер, Дж. Дугласа, Г. Гарфинкеля, З. Баумана, А. Вейгерта, Ж. Баландые, Ш. Лалива д'Эппине и др.).

Свидетельством интереса к проблемам повседневности в исторической науке стали статьи в журнале «Анналы экономической и социальной истории», издававшемся Л. Февром и М. Блоком. С этого момента начинается развитие так называемой «школы «Анналов», которая положила начало направлению, известному как «новая историческая наука». Последователи школы «Анналов», сконцентрировавшись на изучении повседневной жизни, во многом определили тематическую область дальнейших исследований сферы повседневного. Вопросы истории повседневной жизни рассматривались в работах таких историков-исследователей, как Ф. Бродель, Ж. Дюби, Ж. Ле Гофф, П. Шоню и др.

Интерес к сфере повседневного как к тематике исторического исследования возрос в 70-е и 80-е годы XX века, что было связано с так называемым «культурным поворотом» в исторической науке, связанным с именами таких представителей новой исторической науки, как Э. Ле Руа Ладюри, Ф. Арьес, Р. Шартье и др. В последней четверти XX века складываются научные направления, связанные с тем, что повседневность стала выступать в качестве специфического предмета гуманитарных наук. Сюда относится, прежде всего, немецкая школа «История повседневности» (Alltagsgeschichte), основателями которой являются Х. Медик и А. Людтке, а также итальянская школа «микроистории», к числу основателей которой относятся К. Гинзбург, Дж. Леви и Э. Гренди. Появились новые междисциплинарные направления, в поле интереса которых попадали и сфера повседневной жизни. К таким направлениям следует отнести социальную историю (new social history) (В. Конце, Ю. Кокка, Л. Тилли, Дж. Скотт, П. Стирнз и др.), культурную историю (Ф. Фюре, Р. Дарнтон, Л. Хант, М. Озуф и др.) и историческую антропологию (Дж. Эллиот, К. Томас, Н. Дэвис и др.). Тематика исследований этих научных направлений в области изучения повседневной жизни во многом пересекалась, во-первых, с тематикой новой исторической науки, а, кроме того, с социологией и антропологией (этнологией).

Проблематика, связанная с изучением повседневной жизни, начала формироваться в культурной антропологии на рубеже 1930-х – 40-х годов. Методы культурной антропологии (этнологии) были использованы, в частности, в работах

М. Мид применительно к современному обществу. Во второй половине XX века методологический аппарат антропологии претерпел значительные изменения. К. Гирц выдвинул концепцию «насыщенного описания» культуры, положившего начало так называемой «символической» или «интерпретативной» антропологии, методы которой оказались применимы для анализа феноменов повседневной жизни. Структурно-антропологическая концепция К. Леви-Стросса положила начало структурализму как новому методу наук о человеке. Среди представителей французского структурализма отдельные проблемы повседневной жизни рассматривались, прежде всего, в работах Р. Барта, Ж. Бодрийяра и М. Фуко.

Пересечение предметных областей гуманитарных наук, сближение методов научного поиска, стирание ранее существовавших и общепризнанных междисциплинарных границ привели к тому, что одно и то же исследование может тематически и методологически относиться сразу к нескольким научным направлениям. Для обозначения этой тенденции развития наук о человеке был предложен обобщающий термин «культуральные исследования», область интереса которых, однако, вышла за пределы проблематики сферы повседневного. К числу авторов, работающих в данном направлении можно отнести Р. Хоггарта, С. Холла, Г. Поллок и целый ряд других. Оригинальные подходы к изучению повседневной жизни были представлены в работах Й. Хейзинги и польской исследовательницы М. Оссовской, оказавшихся востребованными отечественной культурологией.

Из отечественных исследований в области повседневности следует отметить достижения московско-тартуской семиотической школы и, прежде всего, работы Ю. М. Лотмана. Необходимо также упомянуть и последователей «школы Анналов», прежде всего, А. Я. Гуревича. Однако, лишь начиная с середины 80-х годов XX века можно говорить об увеличении интенсивности исследований повседневной жизни, развернувшихся в нескольких направлениях. В отечественной этнографии к ним можно отнести работы А. К. Байбурина, И. В. Утехина, Т. Б. Щепанской и др., в отечественной социологии – В. В. Волкова. Отечественная историческая наука на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века также активно стала заниматься проблематикой истории повседневной жизни. Началось издание сборников научных трудов и альманахов по истории повседневности, социальной и исторической антропологии, таких, как, например, «Одиссей. Человек в истории». Сформировалась отечественная школа изучения истории повседневной жизни, возглавлявшаяся С. В. Журавлевым и Ю. Л. Бессмертным. С конца 90-х годов XX века проблематика повседневности оказалась широко представленной в монографиях и диссертационных исследованиях, например, В. Д. Лелеко и С. Л. Тесля. Повседневность как модус речевой деятельности присутствует также в проблемном поле отечественной филологии. Уникальным эпистемологическим феноменом стали отечественные изыскания в области «культуры повседневности», сформировавшиеся в рамках отечественной культурологии и философии культуры (Б. В. Марков, В. Д. Лелеко, С. Т. Махлина, С. Л. Тесля, Е. В. Золотухина-Аболина,

М. И. Козьякова и др.). В первое десятилетие нынешнего века широкое распространение получили работы в области социальной антропологии и культуральных исследований (Г. И. Зверева, Т. Ю. Дашкова, Ю. Б. Демиденко, Е. В. Дущечкина, Н. Б. Лебина, Е. В. Петровская, О. В. Хархордин и др.), в которых представлен широкий спектр тем, относящихся как к проблематике современной российской повседневной жизни, так и к реалиям недавнего исторического прошлого нашей страны. Значительный вклад в теоретико-методологическую проработку проблемы повседневности внесла Н. Л. Пушкарева, в работах которой было проанализировано становление истории повседневности в качестве предмета различных наук о человеке в XX веке. Подробный анализ феноменологической традиции социологии повседневности проводится в статье И. Т. Касавина. Работы Л. Д. Гудкова, Н. Н. Козловой, М. М. Крома, Н. Л. Пушкаревой посвящены методологическим аспектам изучения повседневной жизни в исторической науке и социологии.

Вместе с тем следует констатировать, что ни одна из гуманитарных наук, претендующих на изучение сферы повседневности, не выработала теоретически-обоснованного представления о ней. Отсутствуют также обобщающие исследования, позволяющие оценить и сопоставить результаты различных научных подходов к изучению феноменов повседневной жизни. В научной литературе отсутствуют работы по теоретическому осмыслению повседневности как предмета наук о человеке и не в полной мере обоснованы методы ее культурфилософского анализа. Все это говорит о том, что в гуманитарном знании о повседневности имеет место ряд проблем теоретико-методологического плана, часть которых стремится решить данное диссертационное исследование.

Цель и задачи исследования

Целью работы является определение теоретических оснований и методологических предпосылок построения культурфилософской концепции повседневности и определение границ ее применения в изучении социокультурной реальности.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- эксплицировать проблематику повседневности из предметных полей различных гуманитарных наук;
- выявить специфику и проследить процесс формирования современного понимания повседневности в гуманитарных науках;
- обозначить методологические затруднения наук о человеке, существующие в настоящее время в исследованиях проблем и феноменов повседневной жизни;
- продемонстрировать конкретную эвристическую значимость использования концепта повседневности в современном гуманитарном знании и в философии культуры в частности;
- определить наиболее перспективные стратегии построения культурфилософской концепции повседневности;

- доказать эффективность применения генеалогического метода для концептуализации повседневности;

- установить эвристический потенциал применения категорий «дискурс», «диспозитив» и «дискурсивная практика» при изучении феноменов повседневной жизни в рамках культурфилософской концепции повседневности;

- показать, что категория индивида является ключевой для понимания человека в обозначенных эпистемологических границах;

- продемонстрировать применимость генеалогического метода при анализе трансформации структур повседневности в условиях индустриального и постиндустриального общества.

Источниковедческая база исследования.

Кроме работ, упомянутых в разделе, характеризующем степень научной разработанности проблемы, при проведении диссертационного исследования были использованы следующие источники. Анализ философских подходов к проблемам повседневности и структурам повседневного мышления проводился на основании работ Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Э. Шютца, Б. Вальденфельса, Х.-У. Гумбрехта, А. Лефевра, М. де Серто. Из отечественных исследований по данной проблематике использовались работы Б. В. Маркова, И. В. Никитиной, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзона. Специфика обыденного сознания рассматривалась на основании работ В. Н. Гореловой, И. И. Дубинина, Л. И. Насоновой, П. В. Чельшева, М. А. Шахзадеяна и др. Повседневность сквозь призму структур обыденного мышления проанализирована на основании отечественной социально-философской, философско-антропологической и культурфилософской научных традиций, представленных работами И. Т. Касавина, Д. Н. Круглова, В. Д. Лелеко, А. А. Магомедовой, О. Ю. Марковцевой, Т. Б. Моисеевой, И. В. Никитиной, С. Н. Тесля и др.

Отдельную группу источников составляют теоретико-методологические работы в области гуманитарного знания в целом, истории, исторической антропологии, культурной истории, культуральных исследований, истории повседневности и социальной истории. Дискуссии по поводу предмета и метода истории, а также о перспективах развития и роли новой исторической науки в изучении повседневной жизни были проанализированы на основе работ, прежде всего, М. Блока, Л. Февра, Ж. Ле Гоффа, А. Я. Гуревича, а также П. Вена, С. В. Журавлева, Н. Е. Копосова, М. М. Крома, Н. В. Трубниковой и др.

Отечественный опыт осмысления теоретических проблем социологии повседневности проанализирован на основании результатов, полученных Д. Я. Алиевой, Л. Г. Григорьевым, Л. Д. Гудковым, И. Т. Касавиным, Н. Н. Козловой, Н. Л. Пушкаревой, Л. А. Савченко, А. В. Худенко и ряда других исследователей.

Проблематика, результаты, методологические основания исследований повседневной жизни изучены на основании работ представителей социологии

(Х. Абельса, З. Баумана, П. Бергера, Т. Лукмана, Т. Веблена, Г. Гарфинкеля, А. Геллер, И. Гофмана, Н. Элиаса, В. В. Волкова, Б. С. Гладарева, Е. А. Здравомысловой, В. П. Козырькова, А. Роткирх, О. В. Сергеевой, А. А. Тёмкиной и др.), исторической науки (Э. Ле Руа Ладюри, А. Людтке), социальной и культурной антропологии и культуральных исследований (А. К. Байбурина, Т. Дашковой, И. Утехина)

Для анализа методологических аспектов построения гуманитарного знания, актуальных для различных научных традиций и связанных с ними стратегиями научного поиска, немаловажными оказались работы современных отечественных исследователей: В. Н. Белова, Л. В. Беловинского, И. И. Гусевой, Л. Г. Ионина, И. Т. Касавина, Н. Н. Козловой, Ю. М. Лотмана, Е. Ю. Маловой, С. С. Неретиной, Н. Л. Пушкиревой, Л. А. Савченко, Е. Э. Суровой, А. В. Худенко.

Перспективы применения структуралистского метода для анализа повседневности основаны на исследованиях Р. Барта, Ю. М. Лотмана, Ж. Бодрийяра, М. Фуко, на работах последнего сделан особый акцент. Отдельные методологические положения диссертации были выработаны на основании результатов, полученных Н. С. Автономовой, П. Веном, В. В. Волковым, Р. В. Зимовцом, Б. В. Марковым, З. А. Сокулер, О. В. Хархординым, А. Негри и др.

Методологические основания исследования

Исследование носит комплексный междисциплинарный характер, что обуславливает применение различных исследовательских приемов, составляющих методологический инструментарий современной философии культуры.

В частности, используется метод сравнительно-исторического (историко-генетического) анализа, позволяющий на основе сопоставления исследований, объединенных темой повседневной жизни, выявить те предметные области и понятийные структуры, которые послужили основой для современного понимания проблематики повседневности. Данный метод послужил основой для первой главы диссертационного исследования и применялся для изучения структуры существующего гуманитарного знания о повседневности. Указанная задача решалась на основании анализа и интерпретации текстов, отражающих историческое развитие гуманитарных наук и современный уровень исследований в области повседневной жизни и описывающих подходы к формированию понятия повседневности в таких науках как история, философия (феноменология и экзистенциализм), социология и антропология. При рассмотрении истории проблематики повседневности применен источниковедческий анализ, который сводится к экспликации проблем, связанных тематикой повседневности, из научных трудов, относящихся к разным областям социогуманитарного знания.

Вместе с тем, потенциал указанной научно-познавательной стратегии анализа феноменов и процессов повседневности оказывается недостаточным для достижения цели данного исследования. Процесс концептуализации повседневности осуществлялся при помощи модификации структурно-семиотического метода,

предполагающего рассмотрение феноменов повседневной жизни в качестве знаковой системы. Специфической чертой этого метода, позволяющего говорить о новом, генеалогическом подходе, является то, что указанные феномены рассматриваются в качестве высказываний, формирующих дискурсивные структуры (практики, формации, диспозитивы). Необходимость применения такого метода обусловлена тем, что он позволяет описать различные феномены повседневной жизни в едином теоретическом контексте. Суть данного метода состоит в том, что феномены повседневности, отраженные в различных документах эпохи и историко-культурных и социально-антропологических исследованиях, группируются в последовательности событий, рассматриваемых как дискурсивные практики. Рассмотренные процедуры использовались в контексте дискурсивного подхода к анализу культурных процессов, позволяющего выявить зависимость способа организации культурной реальности от стратегий власти, проявляющихся, в частности, в системе социокультурных нормативов и предписаний, регулирующих повседневную жизнь.

Тем самым генеалогический метод представляет собой один из видов культурфилософского подхода, позволяющего рассматривать повседневную жизнь как текст культуры, спецификой которого является дискурсивная организация и связь с разворачивающимися в обществе стратегиями власти.

Научная новизна исследования состоит в том, что

- установлены причины неоднозначного понимания повседневности, имеющего место в науках о человеке;
- выработаны теоретико-методологические основы построения концепта повседневности, позволяющие артикулировать последнюю в качестве элемента философской теории культуры;
- разработан статусно-методологический регламент применения концепта повседневности в философской теории культуры;
- продемонстрировано, что метод, предполагающий использование генеалогического исследования и дискурсивных структур, применим для построения культурфилософской концепции повседневности;
- выявлен ряд структур и характеристик повседневности, ранее не представленных в научном знании;
- проанализированы результаты воздействия властных стратегий на формы повседневной жизни;
- доказано, что понятия диспозитива и дискурсивной практики могут быть применены для описания и анализа феноменов повседневной жизни в рамках культурфилософской концепции повседневности;
- установлены эпистемологические пределы применения культурфилософской концепции повседневности.

Конкретные научные результаты диссертационного исследования состоят в следующем:

- установлены основные тенденции развития знания о сфере повседневного в современных науках о человеке;
- очерчены теоретико-методологические границы формирования культурфилософского концепта повседневности;
- доказано, что генеалогическая концепция может лежать в основе формирования и развития культурфилософской теории повседневности;
- продемонстрировано, что инстанция власти является неотъемлемой составляющей структур повседневности, последняя же представляет собой один из способов репрезентации этой инстанции;
- обозначены стратегии власти, наиболее существенные для построения сферы повседневного;
- предложена теоретико-методологическая модель анализа феноменов повседневной жизни в рамках единой культурфилософской концепции;
- подтверждена эвристическая эффективность применения понятий диспозитива и практики при анализе феноменов повседневной жизни.

Полученные результаты позволяют сформулировать **положения, выносимые на защиту.**

1. Концепты «повседневности», «обыденного сознания» и «повседневного мышления», сформированные в философии (феноменология Э. Гуссерля и экзистенциализм М. Хайдеггера), не могут служить методологическим базисом для построения культурфилософской концепции повседневности.

2. Научный интерес к проблемам повседневной жизни, наряду с постколониальными, гендерными и культуральными исследованиями, свидетельствуют об изменении роли дискурсов о человеке в условиях распада идеологических метанарративов.

3. Именно появление повседневной жизни в качестве самостоятельного предмета наук о человеке привело к разрушению предметно-тематических и методологических границ между традиционными областями научного знания, созданию междисциплинарных паллиативов и формированию разнообразных исследовательских топосов, в частности, таких как социальная и культурная история, историческая и социальная антропология, культуральные исследования

4. Генеалогический метод дает возможность обеспечить теоретическую и методологическую корректность применения понятий «повседневность» и «повседневные практики» («практики повседневности») при анализе феноменов повседневной жизни в философии, культурологии, социологии и социальной антропологии.

5. Применение генеалогического метода для анализа феноменов повседневной жизни позволяет маркировать инстанцию власти в качестве имманентного любой культуре полицентрического механизма, проявляющего себя во всех структурах и, в первую очередь, на уровне отношений между индивидами.

6. Рассмотрение феноменов повседневной жизни позволяет выявить многомерные дискурсивные структуры, формирующие, в свою очередь, диспозитивные комплексы.

7. Анализ повседневности как системы практик и комплекса диспозитивов позволяет выявить и обозначить такой фактор трансформации повседневной жизни, как формирование информационного пространства.

8. При концептуализации повседневности ключевую роль играет категория индивида как потенциального и реального локуса воздействия властных стратегий и, следовательно, выполняющего роль метатеоретической дефиниции человека в культурфилософском знании о повседневности.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Материалы и результаты диссертации, а также проработанные в ней методологические подходы позволяют рассматривать сферу повседневного как новый подход к анализу социокультурных феноменов, основанный на анализе дискурсивных практик, составить представление о механизмах и реализации стратегий власти, выявляемых на уровне отношений между индивидами. В ходе диссертационного исследования продемонстрирована возможность использования дискурсивного подхода для формирования единой теоретической модели для описания различных сфер повседневной жизни, что открывает перспективы его дальнейшего применения.

Предложенная концепция повседневности может быть использован при анализе социокультурных реалий современности, таких как образование, досуг, система потребления, организация производственной деятельности, художественное творчество и др. Результаты диссертации могут быть применены при разработке рекомендаций в области социальной политики, при решении задач социального прогнозирования и проектирования, для экспертизы и оценки социальной и культурной ситуации.

Материалы диссертационного исследования могут послужить основой для разработки отдельных разделов таких дисциплин как «Культурология», «Философия культуры», «Теория культуры», «История культуры», «Социальная антропология» а также специальных дисциплин как «Культура повседневности», «История повседневной жизни», «Теория и история массовой культуры», «Визуальность в культуре». Отдельные результаты исследования также могут быть использованы при подготовке методических материалов и учебных пособий по соответствующим разделам социальной и культурной антропологии, семиотики, социальной философии (а также при подготовке музейно-экспозиционного материала и научно-популярных текстов по истории повседневной жизни и социальной антропологии).

Апробация исследования

Отдельные результаты диссертационного исследования излагались на следующих научных форумах: «Дни Петербургской Философии – 2003», «Феномен удовольствия в культуре» (Санкт-Петербург, 6–9 апреля 2004 г.), «Глобальное

пространство культуры» (Санкт-Петербург, 12 – 16 апреля 2005 г.), «Пушкинские чтения – 2005» (Санкт-Петербург 6 – 7 июня 2005 г.), Рациональность и свобода (Санкт-Петербург, 16 – 17 ноября 2005 г.), «История и философия науки: взаимосвязи – парадигмы и дискурсы» (Санкт-Петербург, 26 – 27 января 2006 г.), «Дни Петербургской философии 2005», «Автор и зритель: эстетические проблемы восприятия и творчества» (Санкт-Петербург, 27 – 28 марта 2006 г.), «Дни петербургской философии – 2006», «В поисках музейного образа» (Санкт-Петербург, 12 – 13 апреля 2007 г.), «Дни петербургской философии – 2007», «Мужское и мужественное в современной культуре» (Санкт-Петербург, 2009), «Культурное наследие в ситуации постмодерна» (Санкт-Петербург, 6 ноября 2009 г.), «Эстетика архитектуры и дизайна» (Москва, 4 – 6 октября 2010 г.), «Гуманитарные науки и современность» (Москва, 10 июля 2011 г. и 28 июня 2012 г.) а также обсуждались в ходе теоретических семинаров кафедры культурологии СПбГУ.

Отдельные проблемы диссертации прорабатывались в рамках исследований, поддержанных Российским государственным научным фондом (проекты № 04-03-00402а и № 08-03-00641а)

Ряд положений диссертации использовался при проведении занятий и разработке методических материалов в рамках следующих общих и специальных курсов на философском факультете СПбГУ в 2003 – 2012 гг. («Культурология», «Философия культуры», «Теория культуры», «Материальная культура», «История материальной культуры», «История культурологических концепций», «Современные европейские концепции культурной коммуникации», «Визуальность в культуре») и в Северо-Западном институте печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна в 2006 – 2012 гг. («Массовые коммуникации и медиапланирование», «История фотографии»).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры культурологии философского факультета СПбГУ 12 марта 2013 года. Содержание диссертации отражено в 31 научной публикации общим объемом 27 печ. л.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, охарактеризована степень разработанности научной проблемы, охарактеризованы цель и задачи диссертационной работы, сформулированы ее основные теоретические и методологические принципы, приведены конкретные научные результаты, а также новизна и значимость положений, выносимых на защиту.

Первая глава, **«Формирование проблематики повседневности в гуманитарных науках»** посвящена выявлению сложившихся в гуманитарных науках в XX веке эпистемологических предпосылок, способствующих формированию культурфилософской концепции повседневности.

В первом параграфе **«Философия повседневности как поиск онтологических оснований обыденного существования»** рассматриваются принципы аналитики повседневности, выработанные в философии XX века.

Проблема повседневности появилась в европейской философии в начале XX века. Спецификой философского направления, которое можно охарактеризовать как «философия повседневности» является то, что одним из важнейших ее предметов является так называемое обыденное мышление, противопоставляемое рациональному. Современные философские исследования в данной области концентрируются, в основном, вокруг интерпретации философского наследия Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, А. Шютца, Б. Вальденфельса.

Первым философским направлением, включившим повседневность в предмет своего изучения стала феноменология Э. Гуссерля, где среди прочих рассматривается и понятие повседневности, которая выступает в качестве категории «жизненного мира». Философия обыденного мышления является составной частью гуссерлианской философии «жизненного мира».

Феноменология повседневности внесла существенный вклад в перенос исследовательского акцента онтологии с познания абстрактных сущностей на онтологические основания существования человека среди окружающей его реальности, жизненного мира. При исследованиях повседневности акцент делается на способности сознания впадать в состояние обыденности, то есть в модус коллективного и общепризнаваемого состояния. Исследовательский акцент делается на механизмах сосуществования индивидуального и коллективного (то есть общезначимого), трансформациях и механизмах формирования одного на основе другого, на механизмах создания общего поля понимания.

Повседневность как тема философской рефлексии нашла отражение и в фундаментальной работе М. Хайдеггера «Бытие и время», где термин «повседневность» вводится для обозначения одного из ключевых понятий философии экзистенциализма.

К числу наиболее известных последователей Гуссерля следует отнести, прежде всего, Альфреда Шюца (Шютца), считающегося основателем феноменологической социологии. Специфика рецепции идей Гуссерля в работах Шюца состояла в том, что он попытался выявить онтологические основания социального взаимодействия, что позволило бы онтологически фундировать всю социологию как теорию межсубъектного взаимодействия. В его работах, кроме влияния Гуссерля, также прослеживаются следы методологических принципов Макса Вебера, который положил начало изучению социального взаимодействия, рассматриваемого феноменологией как взаимодействие межсубъектное. На предположении Вебера о фундаментальной роли человеческих действий в конституировании общества основывается социологическая значимость концепции Шюца. Построения Шюца строятся вокруг гуссерлианской идеи «жизненного мира», представляющего собой квинтэссенцию всего человеческого опыта. Мир повседневной жизни определяется

совместными действиями людей, но, в то же время, действия людей интенционально ориентированы именно на него. Работы Шюца были направлены на преодоление методологического тупика, в котором, по его мнению, оказалась наука об обществе. Для этого необходимо объединить в единой теории законы социального развития и закономерности мышления субъекта. По его мнению, для решения этой задачи было необходимо описывать социальные закономерности не в понятийных категориях социологии, но строить теорию общества на основе реальных социальных взаимодействий. Поэтому феноменологическую социологию или феноменологию социального взаимодействия можно рассматривать как попытку превращения социологии в науку, способную онтологизировать мир повседневного социального опыта субъекта

Феноменологическая традиция в философии повседневности продолжилась в работах Берхардта Вальденфельса. Существенная новация подхода Вальденфельса состоит, в частности, в том, он рассматривает повседневность в качестве нового типа рациональности, в котором важная роль принадлежит обыденному мышлению.

Важной характеристикой первых отечественных культурфилософских исследований повседневности было то, что в них осуществлялись попытки определить смысл и границы понятия «повседневность», в первом приближении отождествляя его с понятием «быт» (В. Д. Лелеко), который, таким образом является материально-телесной стороной повседневности. Согласно мнению, высказанному В. Д. Лелеко, теоретическая модель повседневности должна включать пространство повседневности, время повседневности, ее вещно-предметный ряд, событийный ряд и набор сценариев поведения, повседневных ритуалов, предполагающих гендерную и возрастную дифференциацию. Но выполнению данного исследовательского проекта мешает существенное методологическое препятствие, состоящее в необходимости установления способа взаимосвязи времени и пространства повседневности с ее вещно-предметным рядом и событийным набором.

Еще одна методологическая проблема, требующая разрешения в рамках философии повседневности, состоит в том, чтобы совместить материально-телесную сторону и субъектно-антропологический аспект. Отчасти, эту задачу решает мифоритуальная концепция повседневности (Т. В. Цивьян), но ее применение требует установления содержательных констант мифологического мышления на основании жизненного мира и обыденного сознания, что делает невозможным анализ в едином контексте других составляющие мифа, такие, как, например, дуальность, связь с ритуалом, а также его формальную структуру.

На примере проанализированных подходов к анализу обыденного мышления и повседневного существования установлено, что в XX веке в философии формируется проблемный круг, заключающий в себе исследование закономерностей и структур повседневного мышления, и стала складываться соответствующая терминология. Вместе с тем, философия повседневности остается на уровне

теоретических рассуждений об особенностях обыденного мышления, что соответствует как предмету, так и методу философии. Все построения философии повседневности основаны на категориях, описывающих повседневное мышление, носителем которого является субъект, что является принципиальным моментом, характеризующим специфику философского подхода к повседневности. Именно специфические структуры обыденного мышления обуславливают повседневные действия человека. Основной проблемой философии повседневности является проблема взаимодействия субъекта с окружающим сущим и формирование на этом основании как жизненного мира, так и стратегий поведения в нем. Философский подход к повседневности, традиционно проводимый от «жизненного мира» Гуссерля, не позволяет связать концепцию обыденного сознания, выдвинутую феноменологической традицией (Гуссерль, Вальденфельс, Шюц), с эмпирикой повседневного существования. Остается непроясненным, как феноменологические константы «жизненного мира» связать с реалиями быта, конкретными элементами предметного мира и иными феноменами социокультурной реальности. Попытки позднейших интерпретаторов феноменологии и экзистенциализма вывести социокультурную эмпирику из выявленных философией структур обыденного мышления представляются необоснованными. Феноменология и экзистенциализм осуществили попытку придания онтологического статуса повседневности как форме жизни и мышления. Тем самым была создана предпосылка для онтологического обоснования социального, задачи, на решение которой была направлена, в частности, феноменологическая социология.

Второй параграф, «Тематизация повседневности в «науках о человеке», посвящен выявлению специфики рассмотрения и установлению горизонтов интерпретации сферы повседневного в исторической науке, социологии и культурной антропологии.

Повседневная жизнь как область объектов исследования, как было отмечено выше, сформировалась в науках о человеке в первой половине XX века на основе изучения социальной и исторической эмпирики, отражая исследовательские траектории гуманитарного знания данного периода. Однако говорить о появлении повседневности как научно обоснованного понятия было бы неоправданным. Под «науками о человеке» в диссертации подразумеваются такие науки, как история, социология, культурная антропология, а также ряд отраслей научного знания, формировавшиеся, начиная с середины XX века (историческая и социальная антропология, историческая психология, социальная история и др.).

Тематика социологии, связанная с вопросами социального взаимодействия индивидов, пересекается и с предметным полем исследований сферы повседневности. Это проясняет происхождение феноменологической социологии, которая употребляет термины «повседневность» и «обыденность» для обозначения жизненных модусов, используемых для ответа на поставленный М. Вебером вопрос о сущности социального взаимодействия.

Социологические исследования конца XIX – начала XX веков, посвященные анализу эмпирики существования населения (прежде всего, городских жителей) европейских и американских стран, сформировали проблемное поле так называемой «социологии города». Ч. Бут, Р. Парк, Э. Берджесс, Р. и Х. М. Линд, начав с количественного подхода и установления простейших причинно-следственных связей между различными феноменами социальной жизни, определили круг интереса эмпирических социологических исследований, не ставя перед собой задачу выяснения природы социального взаимодействия. Тем самым создается предметное поле социологии, связанное с изучением условий быта, труда и отдыха, специфики потребления и иных форм ежедневного поведения жителей промышленно развитых стран. Подобные же тематические сферы были очерчены Н. Элиасом, сходным образом определившим содержание понятия «повседневность».

Сферу повседневности как методологически обоснованный объект исторического исследования открыла «школа Анналов», научное направление, представляющее собой реакцию на обозначившийся в 30-х годах XX века кризис исторической науки, однако история повседневной жизни, начиная со второй половины XIX века, являлась, скорее, тематикой научно-популярной литературы по истории и этнографии.

«Новая историческая наука», традиция в историографии, сформировавшаяся на базе школы «Анналов», характеризуется двумя основными тенденциями развития. Первая из них состоит в открытии новых предметных областей исследования, что привело к появлению несобытийной истории, отождествляемой во многих работах по методологии исторического знания (например, у А. Я. Гуревича) с проникновением проблематики повседневности в предметное поле исторической науки. Вторая тенденция привела к так называемому «антропологическому повороту» в истории, введя в рассмотрение совершенно новую для исторической науки категорию ментальности. Тем не менее, рассмотрение человека в качестве предмета интереса исторической науки не привело к анализу его мышления в философских категориях субъекта, хотя сам интерес историков к антропологическим категориям связан, в частности, с изменением объекта исторической науки и ее переходом на микроуровень, то есть к анализу процессов и фактов на уровне отдельных индивидов или небольших групп индивидов, вследствие чего уместно говорить о смене масштаба исследования. Перенос акцентов исторического исследования на микроуровень, однако, привел к методологическим затруднениям в исторической науке и социологии, состоящим в сложности установления единых принципов микро- и макроуровней исследования в рамках одной научной дисциплины и сыграл решающую роль в появлении таких научных направлений, как историческая антропология, микроистория, история повседневности (Alltagsgeschichte), социальная история, культурная история, культуральные (культурные) исследования («cultural studies»), которые, наряду с

постколониальными и гендерными исследованиями сыграли важную роль в формировании дискурсов о человеке, характерных для второй половины XX века.

Проанализированные исследования по методологии гуманитарного знания говорят о закономерности выхода проблематики истории к проблемам социального. Это говорит о существовании общей исследовательской тематики у исторической науки и социологии, и исследования в области проблем повседневности являются следствием этой закономерности.

На рубеже 1960-х – 1970-х годов в гуманитарных науках формируется такое междисциплинарное направление как «культуральные исследования», среди тем которых выделяют (например, О. Гурова), в частности, области, соотносимые с проблематикой исследований в сфере повседневности: практики идеологии и визуальной репрезентации, экономические практики (системы производства и распределения), практики социальной репрезентации, телесные практики (как коллективные, так и индивидуальные). Культуральные исследования близки по тематике к исследованиям повседневности, проводимым в рамках истории, социологии и культурной антропологии, но не обладают каким-либо теоретико-методологическим единством и допускают определенную вариативность научных методов.

Было установлено, что в науках о человеке отсутствует терминологическое разграничение повседневности и повседневной жизни, вследствие чего исследования гуманитарными науками различных сторон повседневной жизни зачастую отождествляются с исследованиями повседневности. Философское понимание повседневности в истории, культурной антропологии и смежных с ними областях гуманитарного знания не использовано вообще. Существующие мнения (например, Н. Л. Пушкаревой) по поводу того, что теоретико-методологическую базу исторических, культурно-антропологических и ряда социологических исследований повседневной жизни следует искать в феноменологической философии, не вполне обоснованы. Общих теоретических предпосылок для исследования проблематики повседневности различными науками о человеке не выявлено.

Таким образом, каждая из областей научного знания, имеющих своим предметом сферу повседневного, вырабатывала собственные теоретические предпосылки для изучения повседневной жизни. Однако в большинстве теоретико-методологических исследований, посвященных повседневности, данный факт не принимается во внимание, что приводит к отождествлению понятий «повседневность» и «повседневная жизнь».

На примере изучения проблем повседневности в гуманитарных науках была выявлена тенденция к тому, что междисциплинарные границы между отдельными науками становятся все менее четкими. В частности, можно зафиксировать, что проблематика повседневности, сформировавшаяся в XX веке в науках о человеке, входит в предметное поле нескольких самостоятельных наук. Однако, объекты

научного исследования социологии, истории, антропологии совпадают именно при изучении повседневной жизни. При этом свидетельством отсутствия четкой междисциплинарной границы являлось также и то, что предмет исследования конструировался в рамках одной науки, методы же исследования, причем не всегда обоснованно, заимствовались из арсенала одной или нескольких других наук. Эта ситуация была вызвана тем, что новые предметные области не могли быть адекватно исследованы при помощи методов той науки, «внутри» которой они сформировались.

Сам факт появления исследований сферы повседневного демонстрирует, что гуманитарное знание порождает предметно-тематические области особого рода, которые при изучении методами отдельных наук не позволяют составлять о них адекватное научное представление. Необходимость разработки новых методов изучения сферы повседневного объясняется еще и тем, что само понятие повседневности еще недостаточно определено ни в одной из наук, декларирующих повседневность в качестве собственной проблематики. В этом случае уместно говорить лишь об эпистемологическом статусе повседневности, которая предстает по-иному объективированным социокультурным процессом, появившимся в результате реконфигурации гуманитарного знания.

В третьем параграфе первой главы, **«Отечественные исследования повседневности»**, систематизируются отечественный опыт изучения сферы повседневности.

Во второй половине XX века и в течение последних двадцати лет в особенности интерес к проблемам повседневности проявился и в России. Мы можем констатировать наличие трех основных направлений их развития.

Первое направление, у истоков которого стоял Ю. М. Лотман и участники московско-тартуской семиотической школы, формирует отечественный вариант традиции исследований культуры, способствовавший созданию культурологии, к объекту исследования которой может быть отнесена сфера повседневного. Культурология выражает тенденцию в науках о человеке, направленную на формирование междисциплинарного знания, и стремится к выработке собственного метода познания культурной реальности, в том числе и сферы повседневного, что, однако, в значительной степени затруднено неоднородностью теоретико-методологических принципов наук, вложивших свой вклад в ее формирование как научной дисциплины. Тенденции формирования отечественной культурологии, обширные научные дискуссии о статусе которой активно велись в начале 90-х годов, свидетельствуют, что ее представители начинали свою научную карьеру в таких науках как филология, история, философия, педагогика, социология и т.д. и приносили в изучение культуры тот исследовательский контекст, в котором они привыкли работать. В области изучения сферы повседневного это привело к тому, что в отечественной науке стала складываться особая предметная область культурологии – изучение культуры повседневности.

Другое направление связано с изучением сферы повседневного исторической наукой. У истоков этого направления стояли А. Я. Гуревич и Ю. Л. Бессмертный. Цель этих исследований может состоять, в частности, в установлении так называемых «исторических подробностей» (согласно терминологии Ю. М. Лотмана), которое можно рассматривать как изучение повседневной жизни, отождествляемой с составляющими быта той или иной социальной группы в определенную историческую эпоху. Однако изменение проблематики исторических исследований в сторону изучения феноменов и фактов истории повседневной жизни еще не значит, что историческая наука в ее академическом понимании начинает заниматься изучением повседневности. Можно говорить лишь о том, что в развитии исторической науки имеет место тенденция к изменению ее проблемного поля, не затрагивающая ни самого предмета исторической науки, ни метода научного исследования.

Это происходит по той причине, что само понятие «повседневность» не входит в концептуальный аппарат исторической науки и, как следствие, ею теоретически не осмыслено. Свою интерпретацию этого понятия отечественные историки черпают в самых различных источниках, либо не имеющих вообще никакого отношения к исторической науке (социология, философия повседневности, отечественный и зарубежный варианты науки о культуре), либо в теоретико-методологических исследованиях преемников «школы Анналов» где концепция повседневности, по сути дела, так и не проработана в полной мере. Также в этом направлении сформированы тематические предпосылки для развития исторической антропологии, однако не выработаны методы теоретического объяснения феноменов повседневной жизни.

Третье направление, представленное работами таких ученых, как А. К. Байбурин, И. А. Утехин, Н. Б. Лебина, В. В. Волков, С. Б. Борисов и др., ориентируется на социальную антропологию и культуральные исследования, опираясь на понятийный аппарат истории, социологии и культурной антропологии и широкое использование полевых методов. Однако отечественная специфика развития данного направления состоит в том, что значительная часть его последователей начинала свою научную деятельность в рамках научной традиции отечественной этнографии, что не могло не сказаться на методологических предпосылках исследования сферы повседневного. Значительная часть работ, осуществленных в рамках данного направления, исходит из предположения, что социокультурная реальность содержит в себе те же константы, что и традиционный народный быт. Представляется, что подобная позиция не в полной мере отражает новейшие методы исследований феноменов современной повседневной жизни. Специфика повседневной жизни новоевропейской, в частности, цивилизации уже не может быть описана этнографическими методами и не сводится к этнографическим категориям. Кроме того, повседневность рассматривается этнографами только в ее

бытовом аспекте, описания и анализ которого этнография осуществляла в течение всего периода своего существования в качестве признанной науки.

С начала ХХI века традиция культуральных исследований начинает проникать и в отечественную научную среду. При этом культуральные исследования, в отличие от культурологии, не претендуют на теоретико-философское понимание культуры, предлагая лишь один из возможных подходов к ее изучению, характерными чертами которого является контекстуальность, идеологичность и отсутствие единых методологических установок. Культуральные исследования полагают сферу повседневного в качестве одной из самых важных предметно-тематических областей, однако метод культуральных исследований находится еще в стадии становления, и крайне затруднительно установить, завершится ли этот процесс формированием единого научного метода. Методологическое разнообразие отечественной традиции культуральных исследований усиливается и за счет того, что у ее истоков, так же, как и у истоков культурологии, стояли представители различных гуманитарных наук, в основном, истории, социологии и этнографии.

На основании проведенного в первой главе исследования установлено, что интерес наук о человеке к изучению феноменов повседневной жизни не столько свидетельствуют об открытии новой социокультурной сущности, сколько маркируют смещение акцентов в изучении культуры и социума с макро- на микроуровень. Поэтому можно утверждать, что сфера повседневного как предмет наук о человеке представляет собой результат нового взгляда на культуру и социум, возникший под влиянием изменения конфигурации знания, имевшего место в этих науках, начиная с середины ХХ века.

Науки о человеке, обращаясь к исследованиям повседневной жизни, сформировали ряд тематических сфер, существенно отличающихся от их традиционных предметных областей. Прежде всего, к этим тематическим сферам относятся исследования быта отдельных социальных групп (куда входят досуг, трудовая деятельность, потребление товаров и медиа), предметной среды, предметных форм репрезентации характерных идентичностей.

Поэтому необходимо рассматривать сферу повседневности как общую предметно-тематическую область таких наук о человеке, как история, социология, антропология и культурология, при этом каждая из наук стремится к построению собственного предмета исследования в этой области, действуя в рамках свойственного ей концептуального аппарата. Ни в одной из гуманитарных наук теоретическое понимание повседневности не выработано в силу того, что последняя не вписывается в их сложившиеся эпистемологические поля.

Уровень теоретического обобщения, позволяющего описать конкретику повседневной жизни в абстрактных категориях, в каждой из этих наук отсутствует. Паллиативом такого обобщения являются попытки механического переноса теоретических категорий из одной науки в другую, например, попытка применения категории «ментальность» в исторической науке. Декларируемая

междисциплинарность имеет место лишь на уровне формирующейся предметно-тематической области, но не на уровне научно-теоретического обобщения. Попытки создания такой теории имеются, но исходные принципы ее построения не обоснованы. Поэтому построение теории было бы уместным начать с формирования теоретического концепта повседневности, предвещающего формирование ее научного понятия, а это возможно лишь на основании использования иного инструментария, который не сводится к устоявшимся методологическим традициям, свойственным той или иной науке о человеке.

Во второй главе, **«Формирование концепта повседневности»**, на основании анализа методологических затруднений, испытываемых науками о человеке при изучении сферы повседневного, обосновывается метод концептуализации повседневности.

В первом параграфе, **«Методологический потенциал концептуализации повседневности»** выявляются и анализируются методологические трудности, обусловленные отсутствием однозначного понимания повседневности различными науками о человеке, а также обосновывается необходимость формирования культурфилософского концепта повседневности.

Как было продемонстрировано выше, тенденции к изменению и взаимному проникновению предметных областей наук о человеке обосновывают необходимость применения междисциплинарного подхода. Междисциплинарный подход представляет собой своего рода «метапозицию», обеспечивающую возможность построения теоретического «взгляда со стороны» на круг проблем, который уже был очерчен выше. К наукам, достижения которых могли бы внести свой вклад в изучение сферы повседневного, следует отнести историю (включая историю искусств), филологию, культурную антропологию (этнологию), семиотику, социологию, психологию. Междисциплинарный характер исследований в области изучения сферы повседневного требует, тем не менее, выработки методологических оснований, прежде всего, поиска легитимного в нескольких науках метода, позволяющего построить научное знание о социокультурной реальности, в частности, о формах повседневного существования. В противном случае эти исследования, осуществляемые в рамках различных наук о человеке, не обладают концептуальным и методологическим единством и, как следствие, не могут обеспечить получение сопоставимых в научном плане результатов, а также адекватного способа их фиксации в однозначных терминах и строгих понятиях.

Существует также риск того, что построение междисциплинарного знания, совмещающее методы, лежащие в основе различных наук о человеке, приведет к размыванию самого предмета этого знания. Культурология может быть представлена как попытка формирования такого знания. Сильной стороной культурологии является возможность формировать и использовать различные концепты, наиболее важным из которых является концепт культуры, ставший одним из тематических центров гуманитарных исследований второй половины XIX –

начала XX века. Тем не менее, теоретическое осмысление культуры на макроуровне в рамках культурологии не отражает тенденции перехода социокультурных исследований на микроуровень. Концептуализация культуры оказалась чрезмерно коннотирована теми разнородными исследованиями, которые центрировались вокруг данного понятия в течение нескольких десятилетий. В постсоветской России концепты культуры формировались как раз на основе наук, участвовавших в воспроизводстве метанарративов: истории (в том числе истории искусств), педагогики, филологии, социологии, философии. В силу этих причин культурология не имеет методологического и предметного единства, зачастую концентрируясь вокруг распавшихся метанарративов. Само понятие «культура» не вполне соответствует существующей и развивающейся в настоящее время эпистемологической модели. В течение всего XX века осуществлялись попытки предметно-терминологически унифицировать данное понятие, что, однако, приводило лишь к росту числа его возможных определений. Концепт повседневности, напротив, является результатом другой точки зрения на затрагивавшиеся в рамках науки о культуре проблемы, значимость которых была подтверждена включением проблематики повседневной жизни в предметное поле наук о человеке. С этой точки зрения концепт повседневности открывает более широкие эпистемологические перспективы, так как исследования повседневности, несмотря на все трудности ее терминологической дефиниции, не требуют столь глубокого обоснования ее онтологического статуса, будучи основанными на сформировавшейся предметно-тематической области, а не на имплицитном концепте. В этом плане концепт повседневности может дополнить концепт культуры и способствовать развитию философской теории культуры.

Таким образом, концепт повседневности позволит более четко очертить границы науки о культуре – самой культурологии, определив тем самым статус новых областей ее объектов – феноменов повседневной жизни, придав им характер предметов культурологического знания. Отсутствие формально-логического определения понятия повседневности не закрывает перспективы ее концептуализации, то есть характеристики сферы повседневности как предмета научного знания в рамках науки о культуре и определения основных категорий и методов, необходимых для ее изучения.

В качестве отправной точки для концептуализации повседневности можно положить устоявшуюся предметно-тематическую область, сформированную в XX веке такими гуманитарными науками как история, социология и антропология в ходе изучения истории повседневной жизни, социологии повседневности и культурно-антропологических исследований современных сообществ. Целью концептуализации повседневности выступает создание теоретико-методологических оснований для исследований различных сторон повседневной жизни науками о человеке, что позволит связать социокультурную эмпирику с культурфилософскими теоретическими абстракциями. Выработка концептуального аппарата исследований

повседневности позволит решить задачу создания метода, пригодного для применения на макро- и микроуровнях социально-исторического исследования.

С другой стороны, концептуализация повседневности принимает во внимание возможности интерпретации результатов культуральных исследований изучающих, в частности, феномены повседневной жизни. Культуральные исследования не выработали единого методологического подхода в силу своей направленности на решение частных научных задач, зачастую идеологического характера, что и позволяет характеризовать их как составляющую новых дискурсов о человеке. В то же время культуральные исследования делают акцент не столько на установлении исторических фактов, социальных закономерностей и выявлении антропологических констант, сколько на реконструкции социокультурных практик, что приводит к изменению как статуса, так и понимания научных источников: расширяется их круг, меняются способы их фиксации и система их интерпретации. Формирование повседневности как нового предмета гуманитарных наук приводит к необходимости нового рассмотрения корпуса источников, архива, понимаемого в соответствии с современной эпистемологической модели наук о человеке, предложенной М. Фуко в книге «Археология знания». Под архивом понимается система событий и вещей, зафиксированных в форме текстов и рассмотренных в качестве высказываний. Такое понимание архива позволяет включить в него артефакты и визуальные источники, что делает возможным рассмотреть в рамках культурфилософской концепции повседневности практики потребления и визуальную составляющую культуры, роль которых стала возрастать, начиная с рубежа XIX и XX веков. Технические достижения конца XIX века обеспечили, в частности, возможность массовой репродукции визуальных составляющих практик потребления, что привело не только к развитию массового искусства (В. Беньямин), но и к росту таких визуальных практик, как реклама, кинохроника, фотожурналистика, любительская съемка. Эмпирический материал, представленный в этих жанрах, вполне укладывается в контекст исследований повседневной жизни, а концептуализация повседневности обеспечивает интерпретации данных групп источников методологический базис.

Второй параграф носит название **«Структуралистский подход как потенциальный методологический инструментарий формирования концепта повседневности»** и посвящен установлению тех составляющих структуралистского подхода к изучению культуры, которые могут быть применены при построении научной концепции повседневности.

Понимание повседневного мышления, выработанное в феноменологии и экзистенциализме, предполагает актуализацию повседневности, потенциально содержащуюся в структурах сознания, в операциональном отношении субъекта к миру. Именно наличие онтологических оснований повседневности открывает возможности для ее анализа как раскрытия горизонта смыслов. В противоположность вышеозначенному, предлагаемая концепция повседневности

акцентирует внимание не на анализе смыслового горизонта субъективных структур, но на закономерностях и способах порождения знаков-носителей смыслов в культуре и восприятии этих знаков индивидами. Повседневность при этом рассматривается как структура смыслопорождения и как сфера циркуляции и усвоения смыслов.

Для реализации данной задачи целесообразно привлечь инструментарий структурализма, понимаемого в качестве методологического аппарата, позволяющего описывать феномены социокультурной реальности в категориях структур различной природы, в частности, семиотической или лингвистической. Это дает возможность перейти от семиотического анализа сферы повседневного к способам фиксации, репрезентации и трансляции смыслов, а саму сферу повседневного рассматривать в качестве текста – носителя смысла. Благодаря такому подходу открывается возможность анализа сферы повседневного и концептуализации повседневности в категориях семиотики, избегав, тем самым, необходимости рассматривать повседневность в онтологических категориях бытия и субъекта. Структуралистский метод при рассмотрении реальности как структуры, подразумевает, что эта структура имеет знаковый характер.

Это делает применимым структуралистский инструментарий в качестве метода междисциплинарного исследования, поскольку области объектов различных наук о человеке могут быть описаны одними и теми же структурами, семиотическими, в частности. В данном случае под междисциплинарностью структурализма понимается возможность его применения к решению задач в различных гуманитарных науках, его способность выступать в качестве равноправного метода по сравнению с традиционными методами, применяемыми в этих науках. Структурализм как мета-метод наук о человеке оказывается инвариантен как к объектам этих наук, так и к их предметным областям, что подчеркивает возможность его применения к исследованию сферы повседневного в силу ее многоаспектности.

В науках о человеке имеется успешный опыт применения структурализма для решения научных задач в тех предметных областях, которые можно отнести к сфере повседневного, что подтверждается результатами, полученными, в частности, Р. Бартом и Ж. Бодрийаром. Отдельные аспекты данной сферы были рассмотрены в их работах именно как структуры смыслопорождения. Стратегии применения Р. Бартом структуралистского подхода к изучению проблем повседневности состоят в следующем. Прежде всего, устанавливается не происхождение феноменов повседневной жизни, а их роль в семиотических практиках, то есть практиках присвоения культурных значений. Поэтому одна из его стратегий сводится, в частности, к поиску возможных культурных значений и доказательствам их действительности. В качестве эмпирического обоснования Р. Барт использует результаты дискурсивной активности, сопровождающей культурную деятельность, тексты масс-медиа, литературы и рекламы, рассматриваемые в качестве основного

способа репрезентации культурных означаемых и основной сферы циркуляции культурных означающих.

Стратегия семиотического анализа различных сфер повседневности, предложенная Бартом, вписывается в более обобщенную модель символического обмена и производства, предложенную Бодрийяром. Мифологемы (в понимании Р. Барта) играют роль означающих, обеспечивающих эквивалентности символического обмена. Главной сферой циркуляции символических ценностей, начиная с середины XX века, становится сфера потребления, один из существенных аспектов повседневности, поскольку именно процесс потребления создает материальную основу для организации пространства развертывания отношений повседневности. Бодрийяр, предлагая рассматривать потребление не просто как систему обменов и знаков, но как механизм власти, открыл возможность применять не социологические методы, но структуралистские стратегии к изучению того, что традиционно считалось объектом социологической науки. Принципиально важным оказывается доказанное Бодрийяром отношение изоморфизма между потреблением и языковой коммуникацией, делающее возможным рассмотрение и общества, и культуры в качестве смыслообразующих структур.

Наиболее эффективной семиотической моделью повседневности представляется концепция дискурса, предложенная М. Фуко. Данная концепция основывается на использовании ряда понятий, к наиболее важным из которых относятся понятия «высказывание», «дискурсивная практика», «дискурсивная формация», «позитивность», «знание» и ряд других. В науках о человеке, однако, эта концепция в полном объеме не применялась, в отличие от отдельных ее понятий, важнейшим из которых является ее основополагающее понятие – понятие дискурса.

Фундаментальным понятием, на котором базируется концепция дискурса, является понятие «высказывание». Выполнение функции высказывания сводится к тому, что сингулярность-событийность социокультурной эмпирики приобретает характер видимости («наблюдаемости») за счет присвоения в акте высказывания того или иного культурного значения, того, что и делает событие «видимым», то есть объективированным. В этом случае дискурсивная практика рассматривается как процесс приобретения или присвоения новых значений (объективации). Дискурсивная практика обеспечивает как придание новых значений различным формам деятельности, так и поддержание этих значений, препятствуя их утрате. При этом дискурсивный характер социокультурных практик не отождествляется с вербальной ее природой.

Данная концепция открывает следующие исследовательские перспективы:

- проведение анализа взаимопроникновения и взаимного влияния различных сфер повседневной жизни;
- построение культурфилософской концепции, охватывающие лингвистические и нелингвистические аспекты социокультурной реальности (и повседневной жизни как ее составляющей) в рамках единой понятийной системы.

Применение данной концепции к исследованиям сферы повседневного характеризуется следующим:

- комплекс феноменов, составляющих повседневную жизнь, необходимо рассматривать в категориях дискурсивных практик,
- научное исследование сферы повседневной жизни возможно, среди прочего, в форме построения истории данных практик, то есть выявления исторических форм присвоения, фиксации и трансляции культурных значений,
- для построения культурфилософской концепции повседневности требуется применение более сложных дискурсивных конструкций, таких как, например, диспозитив.

В третьем параграфе, «Генеалогия повседневности», на основе генеалогического метода, представляющего собой группировку событий, то есть элементов социокультурной эмпирики, в виде дискурсивных практик осуществляется концептуализация повседневности, в параграфе также рассматривается возможность применения понятий «культура повседневности», «структуры повседневности», «дискурс повседневности» и «пространство повседневности».

Концепция дискурса требует по-иному группировать исторические факты, образующие корпус исторического знания, с целью установления закономерностей присвоения им культурных значений. Результатом применения этой концепции становятся такие стратегии интерпретации и группировки исторических событий (сингулярностей), как археология и генеалогия. Обращение к опыту исторического исследования обусловлено следующими причинами: во-первых, опыт изучения методологии и статуса истории как научной дисциплины позволил описать закономерности дискурсивных структур, и, во-вторых, историческая наука на микроуровне своего исследования формировала предметную область изучения сферы повседневности.

В основании исследования лежит предположение о том, что для концептуализации повседневности в рамках концепции дискурса возможно применение генеалогического метода, обладающего следующими существенными чертами:

- возможность вписать социокультурную эмпирику, в том числе и феномены повседневной жизни, в дискурсивные структуры, для чего следует рассмотреть феномены и факты (события и сингулярности) как составляющие дискурсивных практик;
- концентрация внимания не на анализе исторических, а на анализе дискурсивных последовательностей, то есть не на последовательностях исторических фактов, а на последовательностях событий дискурса;
- фиксация процессов, разворачивающиеся ни в историческом, ни в социальном, но в дискурсивном пространстве, что позволяет вывести дискурсивные закономерности из предметных областей истории, социологии и культурной антропологии;

- возможность выявления понятий и категорий, которые могут быть объективированы при изучении повседневности, а с последующим установлением генеалогии этих понятий и способов их объективации;

- возможность демонстрации того, что различные практики были объективированы в те или иные дискурсивные формации, представленные в качестве таких предметов различных наук о человеке, как социальные институты, культурные формы, культурные феномены и т.д.

- рассмотрение в категориях дискурса и практик оказывается тематически инвариантным, поскольку данный метод не накладывает ограничений на выбор сферы социокультурной деятельности для ее анализа в качестве составляющей повседневности.

Немаловажно, что повседневность можно концептуализировать в рамках генеалогического анализа стратегий управления индивидами, что позволяет выйти из дисциплинарных комплексов истории, социологии, антропологии, но вполне может быть соотнесено с полем науки о культуре.

Изучение повседневности с использованием генеалогического метода реализуется на основе следующего ее понимания: повседневность представляет собой совокупность рассеянных единичных событий-высказываний, сгруппированных в форме дискурсивных практик, для анализа которых применяется концепция дискурса. Проблематичность применения категории дискурса и связанного с нею комплекса понятий к исследованиям повседневности состоит в том, что повседневность в целом представляет собой более сложную структуру по сравнению с отдельными дискурсивными формациями, такими как, например, психиатрия или судебно-пенитенциарная система. Многомерный, комплексный характер повседневности состоит в том, что ее нельзя свести ни к одной из практик или хотя бы выделить в ней преобладающую.

Рассмотрение повседневности как ансамбля дискурсивных практик позволяет выявить механизм их формирования и взаимодействия, суть которого состоит в присутствии инстанции власти. Под властью в диссертационном исследовании понимается зафиксированное в культурных формах межиндивидуальное и межгрупповое неравенство, семиотически зафиксированное в культуре, в том числе и в сфере повседневной жизни. Власть репрезентирована как результат фиксации этого неравенства: в виде практик ее осуществления, поддержания, признания и воспроизводства. Власть, тем самым, управляет производством знаков (семиотическими потоками). Разные формы неравенства порождают различные практики повседневности, вызванные разными типами власти, однако природа этих практик едина, дискурсивна.

Генеалогический анализ дискурсивных структур, составляющих повседневность, показал, что власть проникает на уровень отношений между индивидами, для чего властью были выработаны механизмы внедрения стратегий политической власти в сферу повседневности, сначала на уровне проникновения отношений

абсолютистской власти в отношении традиционно неполитизированные. Власть отработывает механизмы проникновения в повседневные отношения, выявляет наиболее проницаемые их сферы, совершенствует инструменты влияния на них, в результате чего традиционные отношения власти (например, патриархальные отношения в семье) стали поддерживаться и замещаться политико-юридическим воздействием. К началу XX века сфера повседневности стала содержать в себе механизмы внедрения политической власти в социум, обеспечив тем самым «прозрачность» последнего для власти. Эти механизмы основаны на дискурсивной природе всех форм власти, что делает возможным использовать одни дискурсивные практики для того, чтобы управлять интенсивностью и формами осуществления других, например, регулировать семейные отношения посредством правовых норм.

Реализация исследовательских задач в рамках генеалогического метода возможна лишь при наличии «архива», содержащих документы, позволяющие проследить действие властных стратегий и развертывание дискурсивных практик. Именно в таких текстах и проявляется действие того или иного диспозитива власти. Это позволяет включить накопленный культуральными исследованиями материал, являющийся результатом новых дискурсов о человеке, в систему знания о повседневности, являющегося результатом распада метанарративов. Исследования повседневности, наряду с гендерными и постколониальными, служат тому, чтобы разрушить идеологическую систему науки, ее патерналистские воззрения, европоцентризм, гендерное неравенство, выражая интересы идеологии либеральной, направленной на противодействие стратегиям власти к ущемлению или подавлению различных (миноритарных) социальных групп и идентичностей.

Резюмируя итоги второй главы, отметим следующее. Основная проблема исследований в сфере повседневного состояла в том, что данная сфера представляла собой лишь частную предметно-тематическую область отдельных наук о человеке. Это не позволяло рассматривать ее в качестве самостоятельного предмета научного исследования, поскольку каждая из этих наук конструировала представление о ней на основе собственных методов, в результате чего представление о повседневности, приемлемое для всех наук о человеке, так и не было составлено. Генеалогический метод позволяет установить общезначимый и равноэффективный для наук о человеке принцип описания сферы повседневного, а также выявить закономерности, которым подчиняется ее развитие. Это становится возможным за счет группировки событий и фактов, традиционно относимых к сфере повседневного, в последовательности – дискурсивные практики, что позволит свести к одной теоретико-методологической базе исследования, осуществляемые в гуманитарных науках.

Семиотический аспект дискурсивной концепции позволяет устанавливать и описывать единую знаковую природу различных видов социокультурной деятельности и анализировать их в единых категориях. Однако для анализа последовательностей, серий культурных феноменов недостаточно провести анализ

каждого из них в семиотических категориях. Необходимо переходить на уровень анализа, учитывающий присутствие сил и процессов, происходящих в обществе. Методы и инструментарий постструктурализма позволили выявить неструктурное основание этих процессов, итогом чего стал анализ функционирования социокультурных структур в категориях власти, репрезентациями которой эти структуры и являются. При таком подходе повседневность будет рассмотрена как модель символической репрезентации (смыслопорождения) межиндивидуальных отношений в категориях власти и производства, как комплекс стратегий власти, направленных на ее (власти) самовоспроизводство.

Третья, заключительная глава **«Повседневность: опыт концептуализации»** посвящена выработке теоретических механизмов построения знания о сфере повседневного на основании генеалогического метода.

В первом параграфе, **«Структуры повседневности как дискурсивные практики и диспозитивы»** проводится подробный анализ понятий «дискурсивная практика» и «диспозитив», а также демонстрируется их роль при генеалогическом анализе практик повседневности.

Описание феноменов повседневной жизни в теоретических категориях дискурсивно-генеалогической концепции повседневности предполагает использование дополнительных понятий, основными из которых являются понятия диспозитива и дискурсивных практик. При этом феномены повседневной жизни рассматриваются в качестве элементов дискурсивных структур – практик и диспозитивов.

Ключевым для концептуализации повседневности является категория «дискурсивная практика», широко применяющаяся в социальных науках. Употребляемый в научной литературе термин «практики повседневности» зачастую даже не определяется, что не дает возможности различения практик повседневности и повседневных действий индивидов.

В науках о человеке выработаны различные способы использования термина «практика», что потребовало проведения терминологического анализа. На основе подхода к практикам, сформированного и примененного в дискурсивной концепции, выработано понимание дискурсивной практики, состоящее в том, что дискурсивная практика не отождествляется с лингвистической, вербальной деятельностью, но рассматривается как деятельность, порождающая, прежде всего, культурные значения, а также тексты, способные составлять и пополнять архив. Благодаря включенности в практики повседневности, существование индивида оказывается зафиксированным в текстах и документах власти, на основании анализа которых эти практики могут быть впоследствии реконструированы и воссозданы.

При подобном понимании любая деятельность индивидов в сфере повседневной жизни рассматривается как дискурсивная практика. Это дает возможность не просто описывать или реконструировать повседневную деятельность или составляющие повседневной жизни, но выявлять ее генеалогию, то есть устанавливать причины, по

которым те или иные практики оказались допущенными или исключенными из повседневности, а также выявлять роль в повседневности элементов материальной культуры.

Для решения задач «генеалогии» используется понятие «диспозитив», необходимость применения которого объясняется тем, что не все элементы структур повседневности описываются в категориях «дискурсивной практики» и «дискурсивной формации», за рамками которых оказались механизмы появления, внедрения и доминирования новых дискурсивных формаций и дискурсивных практик, составляющих повседневность, причины и способы их пересечений и взаимного влияния. Одним из преимуществ генеалогической концепции является также способность рассматривать в едином научном контексте различные области социокультурной реальности, в том числе, составляющие сферу повседневного. Для анализа таких пограничных структур применяется понятие диспозитива (М. Фуко), которому в диссертационном исследовании уделено особое внимание, поскольку в отечественной науке данное понятие подробно не анализировалось. Понятие диспозитива позволяет продемонстрировать, как эпистемологические структуры «власти – знания» проникают в «ткань» отношений, составляющих повседневную жизнь. Поскольку генеалогическая концепция повседневности рассматривает последнюю как совокупность дискурсивных практик, необходимо выявить структуры, обеспечивающие реализацию и воспроизводство этих практик. Диспозитивы, дискурсивные конструкции, обеспечивающие участие индивидов в развертывании дискурсивных практик, становятся ключевыми инструментами для генеалогического анализа повседневной жизни.

Диспозитив представляет собой эпистемологическую схему производства культурных значений, что открывает возможность анализа феноменов, традиционно относимых к различным сферам социокультурной реальности. Выделяются следующие характерные черты диспозитива:

- диспозитив конструируется, возникая не стихийно, но в рамках определенных властных стратегий,
- диспозитив функционален, будучи предназначенным для реализации конкретных властных стратегий,
- диспозитив имеет двойственную природу, являясь и инструментом познания и инструментом практики, организующей процессы «добывания» нового знания об индивидах и их сообществах.

Тем самым, с одной стороны, он представляет собой систему познавательных категорий, при помощи которых конструируется «реальность», а культурные феномены и социальные отношения становятся объективированными, то есть внедренными в дискурс, что обеспечивает их «видимость» для власти. Эта объективация становится возможной за счет того, что на основе системы познавательных категорий формируется вторая сторона диспозитива: система практик познания индивидов и отношений между ними именно в этих категориях,

что позволяет говорить о диспозитиве как об инструменте объективации. Кроме того, диспозитив имеет непосредственную связь с отношениями власти, задающей режимы получения знания в социуме, которые можно охарактеризовать как «режимы видимости». Сформированные властью диспозитивы находятся в постоянной динамике, состоящей в появлении новых или исчезновении неэффективных диспозитивов, а также в изменении их структуры, то есть упрощении или усложнении за счет исключения или включения в них новых дискурсивных практик.

Диспозитив как механизм объективации облегчает исполнение властных процедур в отношении индивидов за счет объективации неравенства между последними. При этом неравенство становится категоризированным, каталогизированным, исчисленным и подготовленным к использованию структурами власти. Индивиды включаются в такие практики повседневности, в ходе реализации которых это неравенство становится очевидным как для самого индивида, так и для тех индивидов, с которым он вступает в отношения на микроуровне, уровне повседневного взаимодействия. Понятие диспозитива связано с необходимостью объяснения процесса порождения текстов – следов дискурсивных практик, составляющих архив. Тексты порождаются диспозитивами и являются, тем самым, прямыми результатами их функционирования.

Двойственная природа диспозитива проявляется еще и в том, что, с одной стороны, он делает индивидов видимыми для власти, но, с другой стороны, он делает власть видимой для индивидов. Анализ повседневной жизни в категориях власти и диспозитива позволяет выявить это присутствие власти в отношениях повседневности. Как только повседневная жизнь начинает рассматриваться в категориях дискурса и диспозитивов, стратегии власти оказываются явными и видимыми. Диспозитивы, тем самым, являются не только инструментами надзора, но и «оптическими системами», механизмами, обеспечивающими видимость индивидов для власти с целью дисциплинарного воздействия. Тем самым демонстрируется, что сфера повседневной жизни не может рассматриваться в качестве сферы противодействия власти, напротив, повседневность сконструирована как инструмент давления различных форм власти на индивидов. В основании повседневности как дискурсивной структуры лежит ряд таких крупных и сложных диспозитивов, как труд, телесность, сексуальность, национальное и т.п. Именно в области этих диспозитивов осуществляется производство смыслов дискурсивными практиками повседневности.

Во втором параграфе, **«Категория индивида как антропологическое основание повседневности»**, обосновывается применение категории индивида в генеалогической концепции повседневности.

Как уже неоднократно отмечено, проблематика повседневности в науках о человеке сформировалась в качестве результата стремления придать исторической науке антропологическое измерение, что, однако, не сопровождалось разработкой

адекватной системы концептов. Применение дискурсивного подхода к изучению сферы повседневного, показало, что «человек» как предмет исследования оказался избыточным в науке о культуре, несмотря на то, данная тематическая область была сформирована именно для его «возвращения». Междисциплинарный характер исследований повседневной жизни и культуры в целом допускает использование антропологических категорий, входящих в методологический инструментарий наук о человеке. В качестве таких категорий могут выступать «человек», «субъект», «личность», применяющиеся в философии, психологии и ряде других наук. В качестве антропологического основания концепции повседневности использована категория индивида, наиболее адекватно отражающая характеристики участников повседневной жизни, описанной посредством дискурсивных практик и диспозитивов.

Категория индивида репрезентирует антропологическую модель, рассматривающую человека не как носителя мышления или некоторых психологических качеств (мотивы, привычки, воззрения), но как участника (актора) практик, действий смыслообразующего характера. В то же время, в отличие от обобщающих категорий народа, людей или населения, эта категория соединяет как единичность участника социального процесса, так и его количественную, квантифицированную уникальность. Индивид, в отличие от «человеческой личности» не обладает свойством уникальности, не единичен, как субъект и не классифицируем по качественным характеристикам на психологические типы. Индивид может быть охарактеризован и классифицирован не качественно, а количественно, подобно тому, как характеризуется и классифицируется медициной человеческое тело. Индивид, точнее, его тело, рассматривалось, в частности М. Фуко, в качестве объекта дисциплинарного воздействия со стороны власти. Сходное по характеру воздействие может оказываться на индивидов и в рамках других дискурсивных структур, сформированных властью и входящих в состав повседневности.

Подобный подход позволяет рассматривать процесс социализации не в педагогических категориях воспитания и не в психологических категориях формирования личности, а в культурно-философских категориях производства, когда под производством индивидов понимается система практик, позволяющих придавать индивидам набор задаваемых властью характеристик и оценивать (квалифицировать) степень приобретения качеств, необходимых для участия в практиках, властью же легитимированных. Безусловно, основной средой такого производства является повседневность. Важнейшей стратегией, используемой властью при производстве индивидов, является дисциплинаризация, однако, повседневность допускает использование и другой, субдисциплинарной, стратегии, поскольку производство индивидов осуществляется не только в рамках дискурсивных институтов, основанных на дисциплине.

Произведенный индивид представляет собой локус воззрения власти, объект,

центр небольшого фрагмента знания, принадлежащего власти, и создает, тем самым, повод для формирования целого ряда документов, которые и являются результатом «взгляда» власти. Быть индивидом – это значит быть видимым для власти, и факт того, что власть увидела конкретного индивида, закрепляется в документах. Производство индивидов, сводится и к производству познавательных структур, диспозитивов, то есть способов воззрения (взгляда), порождающих определенные формы документов, а также самих процедур получения знания, совпадающих с процедурами дисциплинарного воздействия или отличных от них.

Это делает возможным совместное использование категории «индивид» с категориями дискурсивных практик и диспозитива. Поскольку дискурсивные практики трактуются как практики присвоения, считывания и фиксации культурных значений, индивиды, их тела и документы, являются носителями означающих, составляющих материю данных дискурсивных практик и фиксируемых архивом, составленным из этих документов. В свою очередь, диспозитив, как эпистемологический механизм, рассматривает именно исчисляемые характеристики индивидов, в которых ни личность, ни субъект не описываются. Эти параметры позволяют выявить неравенство индивидов, обеспечив тем самым воспроизводство в обществе отношений власти, которое, в свою очередь, осуществляется путем распознавания, учета и ранжирования индивидов в целях их допуска или недопуска к практикам повседневности.

Таким образом, повседневность как сфера включения индивида в дискурсивные практики власти, представляет собой структуру, в которой его, индивида, существование становится видимым для власти. В этом случае концепция повседневности может быть представлена как теоретическая модель вариативности социокультурных форм объективации индивидов, а повседневная жизнь индивида может быть описана как последовательность (серия) уникальных фактов или событий (сингулярностей), рассмотренных не в качестве составляющих его типичной или уникальной жизненной траектории (биографии), но в качестве результата воздействий властных стратегий и взаимодействия его, индивида, с властными структурами. Это дает возможность обозначить еще одно направление построения культурфилософской концепции повседневности, которое состоит в следующем: от характеристик индивида переходить к формам и способам их культурной репрезентации и объективации, осуществляемых в пространстве дискурсивных практик, в частности, в структурах повседневности.

В третьем параграфе, **«Эпистемологические пределы концепции повседневности»**, выявляются методологические ограничения, накладываемые на предлагаемый подход к изучению сферы повседневного.

Поскольку выработанные в диссертационном исследовании теоретические предпосылки построения концепции повседневности основаны на конкретных методологических установках, последние накладывают определенные ограничения на применимость данной концепции. Их можно свести к следующим:

- внеличностный характер концепции, связанный с опорой на константы, отличные от антропологических. Это ограничение связано с тем, что дискурсивная модель, положенная в основу дескрипции и аналитики повседневности, не предполагает опоры на концепт человека, эпистемологический потенциал которого в полной мере может быть использован в рамках иных исследовательских стратегий;

- некорректность постановки задачи построения универсальной теории, выявляющей единые закономерности социокультурного процесса, связанная с формированием проблематики повседневности на микроуровне научного исследования. Это ограничение позволяет снизить опасность формирования очередного метанарратива, в условиях кризиса которых и была сформирована проблематика повседневного;

- применение данной концепции ограничивается так называемыми «цивилизациями архива», поскольку для реконструкции практик повседневности необходим значительный массив аутентичных текстов и сведений об условиях их производства и циркуляции. Это ограничение делает некорректным анализ структур повседневности, прежде всего, бесписьменных культур. Однако концепция повседневности, перспективы которой очерчены в данном исследовании, не ставит перед собой задачу «переписать» историческую науку, и, в частности, историю бесписьменных сообществ;

- поскольку концепция дискурса разрабатывалась с опорой на корпус текстов и артефактов, порожденных в рамках новоевропейской цивилизации, рамками последней она, как следствие, и ограничивается. То есть область применения данной концепции распространяется не просто на «письменные» цивилизации, но на цивилизации «архива» и «закона», регулирующего и устанавливающего в них отношения власти. Подобные условия сложились, в частности, в ходе формирования промышленного производства и индустриального общества.

- в современных условиях структуры повседневности деформируются в той степени, в которой промышленное общество сменяется обществом информационным, что приводит к изменению состава практик повседневности и, соответственно, к изменению структуры диспозитивов. Возможность тотального внедрения политической власти в структуры повседневности, обусловленная техническими ресурсами информационного общества и способная привести к усилению властного давления и дисциплинарного воздействия, не находит реального осуществления. Стратегии власти в условиях новоевропейской цивилизации были направлены на ограничение участие индивидов в тех или иных практиках, в том числе практиках получения знания, что в условиях информационного общества это, за редким исключением, невозможно. Практики, к которым может допускаться или не допускаться индивид, приобретают символический характер, что открывает возможность для их симулятивной имитации и лишает власть монополии на их использование.

Последнее ограничение подтверждается, в частности, при рассмотрении

индивидов в категориях симулякров второго и третьего порядков, преобладающих, соответственно, в индустриальном и информационном обществах. Кроме того, все известные диспозитивы сконструированы в условиях индустриального производства и адекватно функционируют лишь в его условиях. Специфика информационного общества делает характеристики индивидов невалидными, привычная схема взаимодействия власти-знания перестала соответствовать механизмам производства информации, при помощи которой конструируется и производится уже не индивид, но его идентичность. Если раньше индивид, не прошедший квалификационные испытания, «отбраковывался», то теперь ему конструируется идентичность, связанная уже не с возможностью использования данного индивида в системе индустриального производства, но с системой производства символических значений – симулякров третьего порядка. Сама же система производства оказывается вытесненной в те территориально-государственные формации, где информационное общество еще не сформировалось, но присутствует лишь промышленное производство, что оказывается возможным лишь в условиях глобального разделения труда.

Подводя итоги третьей главы, отметим, что в ней обоснован категориальный аппарат культурфилософской концепции повседневности, в состав которого входят, прежде всего, категории практик повседневности, диспозитива и индивида. Именно первые две категории служат основой для теоретического анализа феноменов повседневной жизни. Основным принципиальным моментом, который дискурсивная концепция внесла в понимание человека, является то, что категория индивида, как репрезентант человека в данной концепции, конституировалась в новоевропейской культуре как результат взаимодействия власти и знания. Структуры повседневности, созданные в ходе реализаций стратегий власти, служат, в частности, для получения знания об индивидах, фиксируемом в архиве, и именно оно входит в состав корпуса «знания – власти», позволяющего осуществлять властное воздействие. Знание об индивидах складывалось на основе диспозитивов власти, сформированных с целью управления индивидами и сохранением системы неравенств, воспроизводящих отношения власти. В содержание этого знания входят, среди прочего, и факты повседневной жизни, а на его основе создавались новоевропейские социальные проекты, реализовывавшиеся в пространстве «власть – труд – быт». Результатом генеалогического подхода стало выявление феномена «микropolitики» – установление принципов функционирования стратегий власти на уровне структур повседневности, то есть на уровне отношений между индивидами.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших изысканий по проблемам повседневности.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

а.) монография:

1. Смирнов А. В. Генеалогия повседневности. СПб., Петербургский институт печати, 2012. (10 п.л.)

б.) статьи в периодических и продолжающихся изданиях, включенных в список ВАК РФ для публикации основных положений докторских диссертаций:

2. Смирнов А. В. Размышления о путях конституирования отечественной культурологии // Мир философии – мир человека: прил. к журн. «Философские науки»: Сб.ст. – М.: Гуманитарий, 2007. – с.237 – 246 (0,6 п.л.)

3. Смирнов А. В. Проблема статуса медиа-архива в контексте культуральных исследований // Миссия интеллектуала в современном обществе: Сб.ст. (Вестник СПбГУ: Серия 6. Министерство образования и науки Российской Федерации. Приложение).– СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – С.387 – 395 (0,6 п.л.)

4. Смирнов А. В. Идентификационные стратегии повседневности: методологический аспект // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6. Выпуск 3. Сентябрь 2008. – с.48 – 55 (0,6 п.л.)

5. Смирнов А. В. Проблема повседневности в работах Ж. Бодрийяра // Вопросы культурологии. 2010. №10. С. 26 – 30 (0,5 п.л.)

6. Смирнов А. В. Исследования повседневности в контексте науки о культуре: проблемы метода и методологические перспективы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина №4 (Том 2) 2010 г. с. 129 – 135 (0,5 п.л.)

7. Смирнов А. В. Кризис исторической науки и проблема повседневности // Российский научный журнал. 2011. – 1(20). – С. 95 – 101. (0,6 п.л.)

8. Смирнов А. В. Концепция Мишеля Фуко как источник в поиске методов изучения повседневности // Обсерватория культуры. №1, 2011, С. 34 – 37 (0,6 п.л.)

9. Смирнов А. В. Понятие диспозитива и его значение для концепции повседневности // European Social Science Journal №3 2011. – С. 24 – 32 (0,6 п.л.)

10. Смирнов А. В. Субдисциплинарные практики как стратегии власти // European Social Science Journal №6 2011. – С. 282 – 290 (0,6 п.л.)

11. Смирнов А. В. Дискурсивные практики как инструмент исследования повседневности // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». №2(22) 2012. – С. 264 – 267 (0,6 п.л.)

12. Смирнов А. В. Особенности понимания человека в культурфилософской концепции повседневности // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». №3(23) 2012. – С. 234 – 237 (0,6 п.л.)

13. Смирнов А. В. Семиотика повседневности в работах Ю. М. Лотмана // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». №4(24) 2012. – С. 212 – 215 (0,5 п.л.)

14. Смирнов А. В. Применение генеалогического метода для культурфилософского анализа спорта // European Social Science Journal №7 2012. – С. 14 – 20 (0,5 п.л.)

в.) статьи и другие публикации, отражающие содержание диссертационного исследования:

15. Смирнов А. В. Педагогика и философия языка (Л. Витгенштейн и М. Фуко) // Коммуникация и образование. Сб. статей. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004, с.162 – 179 (1 п.л.)

16. Смирнов А. В. Консерватизм: знание и власть // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). Сб. статей. Вып.1. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004, с.218 – 224 (0,7 п.л.)

17. Смирнов А. В. Взаимодействие дискурсивных формаций в процессе межкультурного обмена // Межкультурные взаимодействия и формирование единого образовательного пространства: Сб. статей. – СПб.: Политехника-сервис, 2005, с.3 – 16 (1 п.л.)

18. Смирнов А. В. Культурные институты и их роль в воспроизводстве ценностей консерватизма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). Сб. научных статей. Вып.2. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005, с.276 – 283 (0,5 п.л.)

19. Смирнов А. В. Живопись как познавательная практика // Автор и зритель: эстетические проблемы восприятия и творчества. Материалы всероссийской научной конференции 27 – 28 марта 2006 г. – СПб.: Роза мира, Санкт-Петербургское философское общество, 2006, с.105 – 112 (0,5 п.л.)

20. Смирнов А. В. Роль объективации дискурсивных практик в становлении музея // Собор лиц: Сборник статей. – СПб., 2006, с. 316 – 322 (0,5 п.л.)

21. Смирнов А. В. Игрушка в дискурсе повседневности // Дни петербургской философии – 2006 Материалы круглого стола «Философия культуры и культурология: вызовы и ответы». СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2007, с.311 – 318 (0,5 п.л.)

22. Смирнов А. В. Отражение новой парадигмы гуманитарного знания в экспозиции художественного музея // В поисках музейного образа: материалы науч. конф., СПб., 12 – 13 апреля 2007 г. – СПб., 2007, с. 151 – 157 (0,5 п.л.)

23. Смирнов А. В. Гуманитарные дисциплины как потенциальные направления непрерывного образования // Дни петербургской философии – 2007 Материалы круглого стола «Философия культуры и культурология: традиции и инновации». СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2008, с.423 – 433 (0,5 п.л.)

24. Смирнов А. В. Методы исследования российской повседневности в книге Ю. М. Лотмана «Беседы о русской культуре» // Человек как творец и творение культуры: Сб. статей. – С.-Петербург, 2009. – С. 409 – 419 (0,6 п.л.)

25. Смирнов А. В. «Le male» или перверсивное тело в рекламном сообщении // Мужское и мужественное в современной культуре: научные доклады и сообщения. Приложение к философско-культурологическому альманаху «Парадигма». – СПб, 2009, с. 120 – 123 (0,5 п.л.)

26. Смирнов А. В. Влияние научной концепции человека на принцип организации образовательного музея // Музейная эпистема: Сб. статей. – СПб., 2009, с. 285 – 210 (0,6 п.л.)

27. Смирнов А. В. Наука и идеология как механизмы формирования культурной памяти // Культурное наследие в ситуации постмодерн. Материалы докладов и выступлений научной конференции 6 ноября 2009 г. – СПб.: СПбГУ, ВВМ, 2009, с.167 – 173 (0,5 п.л.)

28. Смирнов А. В. Фуко: мастерство интеллектуала // Мастер и профессионал: история и современность: Сб. статей в честь 70-летия профессора К. С. Пигрова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009, с. 61 – 69 (0,6 п.л.)

29. Смирнов А. В. Познавательные практики как новые формы репрезентации знания о повседневности // Studia culturae. Вып. 10: юбилейный. Альманах кафедры культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета – Санкт-Петербург, Санкт-Петербургское философское общество, 2010 г. С.61 – 68 (0,6 п.л.)

30. Смирнов А. В. Стихийный дизайн: попытка научного осмысления // Эстетика архитектуры и дизайна. Материалы всероссийской научно-практической конференции (4 – 6 октября 2010 г.) / Сб. статей. – М.: Архитектура-С, 2010. С. 151 – 155 (0,5 п.л.)

31. Смирнов А. В. Субдисциплинарные практики и их роль в современной повседневности // Культура как стратегический ресурс России: Сб. статей. – С.Петербург, 2011. – С. 278 – 286 (0,5 п.л.)

Подписано в печать 26.06.2013г.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,3. Тираж 100 экз.
Заказ № 3137.

Отпечатано в ООО «Издательство “ЛЕМА”»
199004, Россия, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>